

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

БОРИС СОКОЛОВ

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Борис Вадимович Соколов
Невидимый фронт Второй
мировой. Мифы и реальность
Серия «Тайны военной истории»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24004007

Невидимый фронт Второй мировой: мифы и реальность: Алгоритм;

Москва; 2017

ISBN 978-5-906842-68-8

Аннотация

В книге известного историка Бориса Соколова представлен новый взгляд на историю борьбы советской и германской разведок в годы Второй мировой. Воспетая в романах и кинофильмах романтика деятельности разведчиков, как убедительно показывает автор, зачастую ничего общего с реальностью не имеет. Информация же, добытая агентами, способна повлиять на судьбы мира, лишь когда она используется штабами и ведомствами... – а вот с этой стороны изучать деятельность разведки у нас как-то не принято, сетует автор и предлагает свои ответы на вопросы:

- как борьба разведок отразилась на ходе боев на советско-германском фронте?
- что противники действительно знали друг о друге?

- кем был Штирлиц и что из истории легендарного Николая Кузнецова из разряда вымысла?
- как на самом деле «Смерш» ловил вражеских лазутчиков и кто в действительности шпионил на Гитлера?
- кто из числа выдающихся агентов вел двойную игру?
- что в известных фильмах о разведчиках является правдой?

Содержание

Почему была написана эта книга	6
Подлинная история Николая Кузнецова: обер-лейтенант Пауль Зиберт и несостоявшаяся охота на «Большую Тройку» в Тегеране	9
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Борис Вадимович Соколов
Невидимый фронт
Второй мировой:
мифы и реальность

© Соколов Б. В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Почему была написана эта книга

О советских и германских спецслужбах в годы Второй мировой войны писали много, но неясно. Разведки умеют хранить свои тайны, а правительствам частенько и полвека спустя невыгодно их раскрывать. Нередко правда о разведывательных и контрразведывательных операциях может основательно подорвать международную репутацию страны. Архивы спецслужб, как правило, закрыты для независимых исследователей. Публикации же, осуществляемые самими разведывательными организациями в сотрудничестве с «дружественными» историками, представляют собой причудливую смесь правды, полуправды и красивых мифов, и здесь очень трудно отделить зерна от плевел. Порой имеющиеся материалы позволяют построить несколько взаимоисключающих версий одного и того же события, ни одна из которых не может быть строгим образом подтверждена или опровергнута. Неслучайно о шпионах всего мира написано гораздо больше романов или беллетризованных повествований неопределенного жанра, чем собственно документальных исследований. В романах очень много места уделяется романтике профессии разведчика. Мы узнаем, как он ловко уходит от слежки, как напряженно вглядывается в дождливую ночь, ожидая агента с ценной информацией. Но вот что это была за информация, как использовалась в дальнейшем, повлия-

ла ли на судьбы мира и исход войны, обычно сообщается довольно скупо.

В романах и документальных книгах про разведчиков сведения, добываемые героями, всегда имеют чуть ли ни решающее значение для достижения победы над врагом. Но в действительности любая добытая разведкой информация, даже самая уникальная, только тогда чего-нибудь стоит, когда используется вышестоящими штабами и ведомствами – потребителями информации. А вот с этой стороны изучать деятельность разведки у нас как-то не принято. Весь упор – на героизм и искусство советских разведчиков и их друзей-антифашистов. Героизм, слов нет, был. Ведь эти люди ходили буквально по лезвию ножа и многие заплатили жизнями за свою нелегкую и незаметную для широкой публики работу.

Я хочу рассказать о нескольких подлинных и мнимых агентах советской разведки, работавших в годы Второй мировой войны, равно как и о некоторых предполагаемых агентах германских спецслужб в Советском Союзе. Речь также пойдет о некоторых сложных играх друг против друга советских и германских спецслужб.

От мифов тяжело избавляться, но жить с мифами опасно. Мифологизируя историю, мы утрачиваем также и реальное представление о нашем настоящем. А история разведки – это одна из наиболее мифологизированных отраслей исторического знания. Я очень надеюсь, что хотя бы некоторые из устоявшихся мифов мне удастся заменить более или ме-

нее правдоподобными версиями.

Подлинная история Николая Кузнецова: обер-лейтенант Пауль Зиберт и несостоявшаяся охота на «Большую Тройку» в Тегеране

Широко распространено мнение, что германские спецслужбы планировали организовать покушение на Сталина, Рузвельта и Черчилля во время их встречи в Тегеране и только благодаря бдительности советских контрразведчиков зловещие замыслы не были реализованы. В СССР первое сообщение о несостоявшемся покушении на «Большую» появилось 19 декабря 1943 года. В этот день газета «Правда» поместила корреспонденцию из Лондона, помеченную 17-м числом: «По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре. Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу. Черчилль находился в британском посольстве, примыкающем к советскому

посольству. Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они смогли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной, в то время как мы проезжали бы по улицам Тегерана. Советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра...».

После окончания войны были опубликованы документы Тегеранской конференции «Большой тройки». Уже в послании Сталину от 24 ноября 1943 года Рузвельт выражал беспокойство по поводу обеспечения безопасности участников встречи в Тегеране: «Я знаю, что ваше Посольство и Британское Посольство в Тегеране расположены близко друг от друга, в то время как моя Миссия находится от них на некотором расстоянии. Мне сообщили (явно из советских источников. – *Б. С.*), что все трое из нас подвергались бы ненужному риску, отправляясь на заседания, если бы мы остановились слишком далеко друг от друга. Где, по вашему мнению, должны мы жить?».

Запись беседы наркома иностранных дел В. М. Молотова с послом США в Москве Авереллом Гарриманом, состоявшейся в советском посольстве в Тегеране в ночь с 27 на 28 ноября 1943 года, свидетельствует, что у «дядюшки Джо» было вполне определенное мнение, где лучше всего остановиться американскому президенту. Вячеслав Михайлович, зная об озабоченности Рузвельта проблемой безопасности,

еще больше пугал американцев: «В последний момент получены неблагоприятные сведения. Дело в том, что со стороны прогерманских элементов в Тегеране готовятся враждебные акты в отношении руководителей наших государств. Эти акты могут вызвать серьезные инциденты, которых мы хотели бы избежать. Поэтому с точки зрения лучшей организации совещания и для того, чтобы избежать поездок по улицам, было бы безопаснее, если бы президент Рузвельт остановился в здании советского посольства».

Гарриман, похоже, испугался, но, чтобы сохранить лицо, сделал вид, что президент и сам собирался поступить именно так, до всяких молотовских страшилок: «Рузвельт с самого начала предполагал остановиться в советском посольстве с целью избежать переездов. Но в последнее время ему, Рузвельту, сообщили, что передвижение по улицам совершенно безопасно, и поэтому, а также для того, чтобы не создавать неудобного положения для Черчилля, он решил остановиться в американском посольстве. Я не сомневаюсь в серьезности дела, но ввиду того, что речь идет о безопасности руководителей трех государств, хотел бы получить более подробную информацию».

И Молотов такую информацию охотно предоставил: «Речь идет о лицах, связанных с германским агентом в Иране Майером (резидент германской разведки, настоящая фамилия которого Рихард Август; еще в августе 43-го его арестовала британская контрразведка. – Б. С.). В отношении групп

пы Майера иранское правительство приняло меры и выслало некоторых лиц из Ирана. Однако агенты Майера еще остаются в Тегеране, и от них можно ожидать актов, которые могут вызвать нежелательные инциденты. Поэтому представляется целесообразным осуществить первоначальное предложение о том, чтобы президент Рузвельт остановился в советском посольстве».

Гарриман с облегчением подтвердил, что не сомневается: президент в Тегеране воспользуется советским гостеприимством. Но попросил уточнить, имеется ли в виду возможность покушения или речь идет о демонстрациях, которые прогерманские элементы могут устроить в персидской столице.

Молотов ответил уклончиво, поскольку слишком запугивать американцев тоже не стоило – вдруг Рузвельт вообще испугается ехать в Тегеран: «Эти элементы могут предпринять враждебные акты против кого-либо из руководителей наших государств и спровоцировать инцидент, который вызовет ответные меры. При этом могут пострадать невинные люди. Этого следует избежать, так как это выгодно лишь немцам и крайне нежелательно для союзников. Если что-либо случится, то будет непонятно, почему не было осуществлено первоначальное предложение».

Гарриман обещал тотчас передать президенту полученные сведения и выразил уверенность, что, раз маршал Сталин считает наилучшим решением, чтобы президент оста-

новился в советском посольстве, то Рузвельт так и сделает. Действительно, днем 28 ноября президент Рузвельт покинул американскую миссию и срочно перебрался в советское посольство. Ему щедро отвели главное здание. Сталин же со своими спутниками скромно разместился во флигелях.

Черчилль тоже был обеспокоен возможными происками германских агентов в Тегеране и полностью одобрил решение Рузвельта. Британский премьер писал в мемуарах: «Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти 3 миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента (у американцев был богатый и печальный опыт удавшихся покушений на собственных президентов, что не помешало через 20 лет убийце-одиночке Ли Харви Освальду уложить наповал Джона Фицджеральда Кеннеди. – Б. С.). Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же вре-

мя самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия, которая охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всей конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызвала у нас глубокую тревогу. „Если что-нибудь подобное случится, – сказал он, – это может создать самое неблагоприятное впечатление“. Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный со-

вет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в здание русского посольства, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех обсуждать проблемы мировой войны».

Англичане и американцы, как кажется, были настолько наивны, что полагали: Сталин приглашает Рузвельта в советское посольство исключительно из-за заботы о безопасности дорогого гостя. Думаю, не все здесь обстояло так просто. И далеко не случайно советская сторона щедрым жестом уступила американской делегации главное здание посольства. Оно наверняка было напичкано «жучками», и там легче было осуществлять прослушивание конфиденциальных разговоров Рузвельта со свитой. Да и психологически сам факт пребывания в советском посольстве должен был сделать американского президента более восприимчивым к аргументам Сталина. Не говоря уже о том, что нагнетаемая «дядюшкой Джо» в Тегеране атмосфера страха должна была побудить западных партнеров больше ценить союз с ним и сделать Рузвельта и Черчилля более покладистыми.

Между прочим, версию с советскими подслушивающими устройствами в апартаментах Рузвельта в Тегеране подтверждает сын Лаврентия Берии Серго, учившийся на факультете радиосвязи военной электротехнической академии в Ленинграде. Вот что он рассказывает: «Я уже год учился в ака-

демии, когда пришел приказ откомандировать меня в Москву. С чем это связано, я не догадывался. Уезжая из Ленинграда, знал только, что направляюсь в распоряжение Генерального штаба – приказ пришел оттуда.

Не внес особой ясности и разговор, состоявшийся в Москве: „Ты направляешься на спецзадание. Аппаратуру, которую получишь, следует установить в одном месте“.

Аппаратура была подслушивающей. Ни о какой конференции речь не шла. Не знал я и о том, что летим в Тегеран. Даже что сели в Баку, узнал только на летном поле.

В Тегеран прилетел все с той же группой офицеров. На аэродроме расстались, и я до сих пор не знаю, кто и с какой целью летел в Иран. Больше мы не виделись.

Встречали нас несколько военных и людей в гражданском. Одного я узнал сразу. Это был специалист из спецлаборатории НКВД, радист. От него стало известно, что мне предстоит заниматься расшифровкой магнитофонных записей.

По дороге с аэродрома никто не говорил о деле, а спрашивать было не принято. Подъехали к какому-то зданию, прошли вовнутрь.

Я не предполагал, что могу встретить здесь, в Иране, отца. Специалисты лишь успели сказать, что аппаратура уже подключена, когда вошел незнакомый офицер:

– Вас вызывают.

Пройдя несколько комнат, я попал к отцу. Не виделись мы давно.

– Видишь, – говорит отец, – где встретились? Тегеран... Тебя уже предупредили, чем будешь заниматься? Иосиф Виссарионович лично потребовал, чтобы тебя и еще кое-кого подключили по его указанию к этой работе. Кстати, как у тебя с английским? Язык не подзабыл? Нет? Это хорошо. Вот мы тебя сейчас и проверим.

Пригласили одного из переводчиков. Перебросились мы приветствиями, пошутили.

– Да нет, – говорит отец. – Нормально поговорите.

Отец послушал нас и сказал:

– Нормально, не забыл.

Когда переводчик вышел, отец заговорил о деле:

– Только имей в виду: это довольно тяжелая и монотонная работа.

С точки зрения техники вопросов у меня не возникало, а вот кого и с какой целью мы собираемся прослушивать, было любопытно. Но мы и поговорить-то толком не успели, как меня вызвали к Иосифу Виссарионовичу...

Сталин поинтересовался, как идет учеба в академии, и тут же перешел к делу:

– Я специально отобрал тебя и еще ряд людей, которые официально нигде не встречаются с иностранцами, потому что то, что я поручаю вам, это неэтичное дело...

Немного подумав, добавил:

– Но я вынужден... Фактически сейчас решается главный вопрос: будут они нам помогать или не будут. Я должен знать

все, все нюансы... Я отобрал тебя и других именно для этого. Я выбрал людей, которых знаю, которым верю. Знаю, что вы преданы делу. И вот какая задача стоит лично перед тобой...

Сталин вызывал нас по одному. Я не знаю, кто из них был армейским офицером, как я, кто служил в разведке или Наркомате иностранных дел. Правило ни о чем никогда не спрашивать друг друга соблюдалось неукоснительно...

Вероятно, Иосиф Виссарионович такую же задачу поставил и перед моими новыми товарищами. А речь шла вот о чем. Все разговоры Рузвельта и Черчилля должны были прослушиваться, расшифровываться и ежедневно докладываться лично Сталину. Где именно стоят микрофоны, Иосиф Виссарионович мне не сказал. Позднее я узнал, что разговоры прослушиваются в шести-семи комнатах советского посольства, где остановился президент Рузвельт. Все разговоры с Черчиллем происходили у него именно там. Говорили они между собой обычно перед началом встреч или по их окончании. Какие-то разговоры, естественно, шли между членами делегаций и в часы отдыха.

Что касается технологии – обычная запись, только магнитофоны в то время были, конечно, побольше. Все разговоры записываются, обрабатываются. Но, конечно же, Сталин не читал никогда, да и не собирался читать весь этот ворох бумаг. Учтите ведь, что у Рузвельта, скажем, была колоссальная свита. Представляете, сколько было бы часов записи? Конечно, нас интересовал в первую очередь Рузвельт.

Необходимо было определить и его, и Черчилля по тембру голоса, обращению. А микрофоны... находились в разных помещениях.

Какие-то вопросы... обсуждали и представители военных штабов. Словом, выбрать из этой многоголосицы именно то, что нужно Сталину, было... не так просто. Диалоги Рузвельта и Черчилля, начальников штабов обрабатывались в первую очередь. По утрам, до начала заседаний, я шел к Сталину.

Основной текст, который я ему докладывал, был небольшим, по объему всего несколько страничек. Это было именно то, что его интересовало. Сами материалы были переведены на русский, но Сталин заставлял нас всегда иметь под рукой и английский текст.

В течение часа-полтора ежедневно он работал только с нами. Это была своеобразная подготовка к очередной встрече с Рузвельтом и Черчиллем... Вспоминаю, как он читал русский текст и то и дело спрашивал: „Убежденно сказал или сомневается? Как думаешь? А здесь? Как чувствуешь? Пойдет на уступки? А на этом будет настаивать?“.

Без английского текста, собственных пометок, конечно, на все эти вопросы при всем желании не ответишь. Поэтому работали серьезно. Учитывали и тот же тембр голоса, и интонацию.

Разумеется, такое участие в работе конференции было негласным. Видимо, о том, чем мы занимаемся в Тегеране,

кроме Сталина, мало кто знал. Мы практически ни с кем не общались. Днем и вечером ведем прослушивание, обрабатываем материалы, утром – к Сталину. И так все дни работы конференции. Думаю, работой нашей Иосиф Виссарионович был удовлетворен, потому что каких-либо нареканий не было. А когда конференция закончилась, нас так же тихо вывезли, как и привезли.»

Присутствие Лаврентия Берии в Тегеране во время встречи Большой тройки подтверждает и сталинский переводчик В. М. Бережков. Валентин Михайлович вспоминает: «На Тегеранской конференции в советскую делегацию официально входили только Сталин, Молотов и Ворошилов. Но с нами в советском посольстве находился также и Берия. Каждое утро, направляясь к зданию, где проходили пленарные заседания, я видел, как он объезжает территорию посольского парка в „бьюике“ с затемненными стеклами, подняв воротник и надвинув на лоб фетровую шляпу. Поблескивали только стекла пенсне». Бережков, по всей вероятности, не подозревал, какими «неэтичными делами» занимается в Тегеране грозный шеф НКВД.

Вот где собака зарыта! Дядюшке Джо очень хотелось послушать, о чем говорят между собой друг Уинстон и друг Франклин. А удобнее всего это было сдать, поселив Рузвельта в советском посольстве. Потому-то Иосиф Виссарионович и предоставил широким жестом американскому президенту главное здание советского посольства, что там заранее

«специалисты из спецлаборатории» расставили скрытые от посторонних глаз микрофоны. А чтобы побудить Рузвельта воспользоваться сталинским гостеприимством, была пущена в ход легенда о якобы готовящемся германской разведкой покушении на лидеров Антигитлеровской коалиции.

В данном случае отношения Сталина с его западными партнерами напоминают один известный анекдот. Американец из тexasской глубинки впервые побывал в Лондоне и возвращается оттуда со ста тысячами долларов.

– Билл, откуда у тебя такие деньги? – спрашивают его земляки.

– Выиграл в покер.

– Ой, как же тебе повезло!

– Да ничего особенного. Сел я играть с двумя британскими лордами. Ну, сделали ставки, сравнялись. Я открываю свои карты – тройка. Англичанин говорит: «У меня флеш-рояль» – и забирает деньги. Я – ему: «Ты флеш-то покажи, открой карты». А он – мне: «Ну что вы, сэр, мы же джентльмены». Джентльмены? Ну-ну... Ох, поперла же мне карта...

Рузвельт и Черчилль, равно как и начальники их охраны, вели себя в точности, как те лорды, и в мыслях не допуская, что друг и союзник будет за ними шпионить во время конференции. Сталин же, зная заранее об истинной реакции Черчилля и Рузвельта на сделанные им предложения, имел на руках все козыри. Карта, по крайней мере дипломатическая, ему еще как перла!

На чем же основывались те предупреждения, которые Молотов довел до сведения американцев? Если верить книге Героя Советского Союза полковника Дмитрия Николаевича Медведева «Сильные духом», первое покушение на Сталина, равно как и на президента США Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, готовилось германской разведкой в 43-м году во время встречи «Большой тройки» в Тегеране. Информация об этом поступила от действовавшего во взаимодействии с отрядом Медведева легендарным разведчиком Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Прежде чем проанализировать события, связанные с этим действительно планировавшимся или мнимым покушением, я хочу на личности того, которые миллионы кинозрителей фильмов «Сильные духом» и «Отряд особого назначения» и читателей одноименной книги Д. Н. Медведева запомнили под именем обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта, агента по кличке «Пух» и партизана медведевского отряда по имени Николай Васильевич Грачев.

Это был незаурядный артист, сыгравший роль обер-лейтенанта Зиберта лучше, чем сыгравшие потом роль самого Кузнецова в кино профессиональные актеры Гунар Циллинский и Александр Михайлов. Николай Иванович родился 14/27 июля 1911 года в глухой деревне Зырянская тогдашней Пермской губернии (ныне эта деревня – в Свердловской области). Первоначально родители-старообрядцы нарекли его

Никанором. Однако в начале 30-х годов по непонятной причине Никанор превратился в Николая. Хотя ни капли немецкой крови не было у Кузнецова, он совершенно свободно говорил по-немецки. И внешность у Николая Ивановича была абсолютно арийская – высокий статный блондин, настоящая белокурая бестия!

Немецким будущий разведчик овладел так хорошо, потому что в маленьком городке Талица, где Кузнецов учился в школе-семилетке, была небольшая колония бывших австрийских пленных, осевших на уральской земле. С ними маленький Никанор много говорил по-немецки, совершенствуясь в разговорной речи. У него была природная способность к языкам. Школьник, в частности, овладел только вошедшим тогда в моду эсперанто. Вот Талицкий лесотехнический техникум окончить не успел. В декабре 1929 года Кузнецова исключили из комсомола «за сокрытие кулацкого происхождения» и отчислили из техникума за полгода до завершения курса. В ноябре 31-го ему удалось восстановиться в комсомоле, представив справки, что отец в гражданскую служил в Красной армии, а до этого, хоть и был зажиточным крестьянином, но батраков не эксплуатировал. Но досдавать после реабилитации экзамены в техникуме Николай Иванович уже не стал.

В 1932 году Кузнецов, работавший в центре Коми-Пермяцкого национального округа Кудымкаре лесоустроителем, был арестован по обвинению в хищениях. Чекисты обратили

внимание на человека с поразительными лингвистическими способностями. Ведь коми-пермяцкий язык – не самый легкий для русского человека, а Кузнецов освоил его поразительно быстро. Арест произошел 4 июня, а уже 10 июня Николай Иванович дал подписку о работе секретным сотрудником ОГПУ и получил кличку «Кулик». Вполне вероятно, что ему намекнули: если откажешься быть сексотом, к хозяйственным статьям добавим политическую. Очень может быть, что на Кузнецова был уже донос, содержащий его будто бы «контрреволюционные разговоры». Органы сделали будущему разведчику такое предложение, от которого он не смог отказаться. В результате на суде выяснилось, что сам Кузнецов к хищениям не причастен, зато его начальство получало деньги и продукты по подложным ведомостям. Начальникам дали от 4 до 8 лет лагерей. Николаю Ивановичу же за халатность определили год исправительных работ по месту службы. Судимость будущему Зиберту и тогдашнему «Кулику» ОГПУ организовало на всякий случай.

Кстати, к тому времени Николай Иванович успел уже жениться и развестись. 2 декабря 1930 года он зарегистрировал брак с медсестрой местной больницы Еленой Петровной Чугаевой. Но уже 4 марта 1931 года молодые развелись. Более никогда Кузнецов в брак не вступал. И не только в брак. У нас нет никаких сведений, что он когда-нибудь еще был близок с женщиной. Для молодого красивого 20-летнего мужчины это несколько странно. Ведь до войны и прихода Кузне-

цова в разведку оставалось еще 10 лет. Неужели он так и не встретил если и не настоящую любовь, то хотя бы девушку, с которой у него возникла бы взаимная симпатия? И впоследствии Николай Иванович никому и никогда не рассказывал, что в молодости был женат. Ничего не рассказывала о своем первом замужестве и Елена Петровна, пережившая Кузнецова на несколько десятилетий. Много лет спустя после гибели Николая Ивановича ее разыскал в Алма-Ате кудымкарский краевед Г. К. Конин. Елена Петровна охотно рассказала о своей последующей жизни, но отметила, что никому не говорила, что три месяца была женой легендарного разведчика. И Конину ничего не сказала, почему они с Кузнецовым расстались навсегда. Какая тайна здесь скрывается?

Нельзя исключить, что причиной развода и последующего одиночества Николая Ивановича стала импотенция. Это печальное обстоятельство могло только усилить притягательность Кузнецова как объекта вербовки для компетентных советских органов. Вот здорово! Агент, красавец-мужчина, будет очаровывать нужных женщин, флиртовать с ними, добывая нужную информацию. А вот установить с ней более длительную связь и из-за этого, кто знает, забыть о долге или, что еще хуже, стать жертвой красавицы, подложенной неприятельской разведкой, не сможет никогда. Вспомним, что многие чекисты-нелегалы становились предателями именно под влиянием любовниц. Взять хотя бы знаменитого Георгия Агабекова, издавшего в 30-е годы в Берлине

нашумевшие книги «ГПУ. Записки чекиста» и «ЧК за работой». Любовь к дочери британского чиновника заставила резидента ОГПУ в Стамбуле порвать с Советами. И по той же самой причине убийца лидеров украинских националистов Льва Ребета и Степана Бандеры Богдан Сташинский предпочел сбежать в Западную Германию с любовницей-немкой перед самым возведением Берлинской стены.

Или, быть может, на разводе настояло ОГПУ, рассчитывавшее использовать Кузнецова как холостого героя-любownika? Но ведь развод был за полтора года до того, как Николай Иванович превратился в «Кулика». Впрочем, вполне возможно, что в действительности никаких проблем в общении с прекрасным полом у легендарного разведчика не возникало, а о его любовницах мы ничего не знаем как из соображений секретности, так и потому, что в советское время герой-разведчик с точки зрения пропагандистского мифа никак не мог позволить себе иметь внебрачные связи.

В 1935 году Кузнецов поступил работать в бюро технического контроля конструкторского отдела Уралмаша. Здесь, в Свердловске, он встретился с трудившимися на заводе немецкими инженерами. Несомненно, Николай Иванович действовал уже по заданию НКВД, прощупывая настроения иностранных специалистов. Параллельно он еще больше усовершенствовался в немецком, освоив диалекты различных германских земель. В своей однокомнатной квартире он сразу же поставил патефон с немецкими песнями, учил их

наизусть. Возможно, уже тогда готовился к разведывательной работе в Рейхе.

Еще в школе Кузнецов занимался в драмкружке, его игра запомнилась многим одноклассникам. Театром увлекался в Кудымкаре и Свердловске, не пропускал ни одной премьеры. Таким образом, он брал уроки у мастеров сцены, чтобы не сплеховать, когда придется сыграть свою главную роль в жизни. Будущий разведчик не знал тогда, что обессмертит себя образом обер-лейтенанта Пауля Зиберта. Параллельно Николай Иванович занимался альпинизмом. Тоже могло пригодиться в профессии разведчика, например при переходе границы. Хотя Николай Иванович не предполагал тогда, что смерть настигнет его в Карпатских горах.

В январе 36-го Кузнецов увольняется с Уралмаша. Отныне единственная его профессия – разведчик, вернее, пока что – контрразведчик, наблюдающий за деятельностью иностранных специалистов и вступающих с ними в контакт советских граждан. А псевдоним поменяли еще в 1934 году – в связи с переездом в Свердловск «Кулик» стал «Ученым». Но вскоре после ухода с Уралмаша ему пришлось еще раз побывать в тюремной камере. В 37-м году, когда началась «ежовщина», Кузнецова арестовали и несколько месяцев продержали в застенке Свердловского НКВД. Трудно сказать, собирались ли навесить на него «контрреволюционную» 58-ю статью в рамках начавшейся смены людей Ягоды людьми Ежова или использовали молодого агента, слишком мелкую

сошку для репрессий, в качестве «наседки», помещая в камеры с «врагами народа», чтобы узнать, что арестованные говорят между собой.

После выхода из тюрьмы Кузнецов был направлен в Сыктывкар в распоряжение нового наркома внутренних дел Коми АССР Михаила Ивановича Журавлёва. Заодно получил и новый псевдоним – «Колонист». Николай Иванович, как специалист, помог Журавлёву выполнить приказ Москвы об упорядочении лесозаготовок на Северном Урале и заслужил от него благодарность. И Михаил Иванович помог Кузнецову перебраться в Москву.

Об обстоятельствах этого перевода несколько десятилетий спустя журналисту Теодору Кирилловичу Гладкову рассказывал бывший генерал-лейтенант госбезопасности Леонид Федорович Райхман, в 1938 году – начальник отделения в отделе контрразведки Главного управления Госбезопасности НКВД СССР: «Журавлёв мне часто звонил, советовался по некоторым вопросам, поэтому я не удивился его очередному звонку, кажется, в середине 1938 года:

– Леонид Федорович, – сказал Журавлёв после обычных приветствий, – тут у меня есть на примете один человек, еще молодой, наш негласный сотрудник. Очень одаренная личность. Я убежден, что его надо использовать в Центре, у нас ему просто нечего делать.

– Кто он? – спросил я.

– Специалист по лесному делу. Честный, умный, волевой,

энергичный, инициативный. И с поразительными лингвистическими способностями. Прекрасно владеет немецким, знает эсперанто и польский. За несколько месяцев изучил коми-пермяцкий язык настолько, что его в Кудымкаре за своего принимали...

Предложение меня заинтересовало. Я понимал, что без серьезных оснований Журавлёв никого рекомендовать не станет. А у нас в последние годы погибло множество опытных, не липовых, а настоящих контрразведчиков и разведчиков. Некоторые линии и объекты были попросту оголены или обслуживались случайными людьми.

– Посылай, – сказал я Михаилу Ивановичу. – Пусть позвонит мне домой.

Прошло несколько дней, и в моей квартире на улице Горького раздался телефонный звонок: Кузнецов. Надо же было так случиться, что в это самое время у меня в гостях был старый товарищ и коллега, только что вернувшийся из продолжительной командировки в Германию, где работал с нелегальных позиций. Я выразительно посмотрел на него, а в трубку сказал:

– Товарищ Кузнецов, сейчас с вами будут говорить по-немецки.

Мой друг побеседовал с Кузнецовым несколько минут на общие темы, потом вернул мне трубку и, прикрыв микрофон ладонью, сказал удивленно:

– Говорит как исконный берлинец.

Позднее я узнал, что Кузнецов свободно владел пятью или шестью диалектами немецкого языка, кроме того, умел говорить в случае надобности по-русски с немецким акцентом.»

Райхман оставил нам и подробный портрет Кузнецова, увиденный глазами профессионального контрразведчика. «... Он пришел ко мне домой. Когда он только вступил на порог, я прямо-таки ахнул: ариец! Чистокровный ариец. Росту выше среднего, стройный, худощавый, но крепкий, блондин, нос прямой, глаза серо-голубые. Настоящий немец, но без таких примет аристократического вырождения. И прекрасная выправка, словно у кадрового военного, и это – уральский лесовик!».

Леонид Федорович сразу понял, что сама судьба послала ему неожиданный подарок: «Нам остро нужны были люди, способные активно противостоять немецкой агентуре в нашей стране, прежде всего в Москве. Мы затребовали из Свердловска личное дело „Колониста“, внимательно изучили его работу на Урале. Кузнецов оказался разведчиком прирожденным (правда то, чем Николай Иванович занимался на Урале и первое время после переезда в Москву, называют обычно словом гораздо менее благозвучным – стукач. – Б. С.), что говорится, от бога. Как человек он мне тоже понравился. Я любил с ним разговаривать не только о делах, но и просто так, на отвлеченные темы. Помнится, я сказал ему: обрастайте связями.

И он стал заводить знакомства в среде людей, представ-

ляющих заведомый оперативный интерес для немецкой разведки».

Иными словами, Кузнецов входил в доверие к людям, преимущественно из числа интеллигенции, которых НКВД в чем-либо подозревало, и «освещал» их деятельность. многим это «освещение» реально могло стоить свободы, а то и жизни. Причем часто вся вина кузнецовских собеседников заключалась в неосторожных разговорах «на отвлеченные темы» с «чистокровным арийцем». Но Кузнецова готовили и для куда более серьезных дел.

Райхман утверждал: «Идеальным вариантом, конечно, было бы направить его (Кузнецова. – *Б. С.*) на учебу в нашу школу (будущих разведчиков-нелегалов. – *Б. С.*), по окончании которой он был бы аттестован по меньшей мере сержантом госбезопасности (офицерский чин, соответствовавший армейскому лейтенанту. – *Б. С.*), зачислен в какое-нибудь подразделение в центральном аппарате и начал службу. Но мешали два обстоятельства. Во-первых, учеба в нашей школе, как и в обычном военном училище, занимала продолжительное время, а нам нужен был работник, который приступил бы к работе немедленно (из-за нараставшей угрозы возникновения войны в Европе. – *Б. С.*)... Второе обстоятельство – несколько щепетильного свойства. Зачислению в нашу школу или на курсы предшествовала длительная процедура изучения кандидата не только с деловых и моральных позиций, но и с точки зрения его анкетной чистоты. Тут на-

ши отделы кадров были беспощадны, а у Кузнецова в прошлом – сомнительное социальное происхождение, по некоторым сведениям отец то ли кулак, то ли белогвардеец, исключение из комсомола, судимость, наконец. Да с такой анкетой его не то что в школу бы не зачислили, глядишь, потребовали бы в третий раз арестовать...».

Тут Леонид Федорович или действительно не знает всей кузнецовской истории, или сознательно лукавит. Ведь первый арест Николаю Ивановичу сами чекисты и устроили. Да и второй арест, скорее всего, был произведен, что называется, в оперативных целях. Слишком уж целенаправленным выглядит поведение Кузнецова еще в Свердловске. Отмечу прежде всего стремление досконально овладеть немецким языком, что далеко выходило за пределы нужд контрразведывательной и осведомительной работы среди немцев-инженеров на Урале. А как рассматривать страсть к театру, стремление играть не только на самодеятельной сцене, но и в жизни? Знавшие Николая Ивановича вспоминали, что он и в 30-е годы очень удачно выдавал себя за того, кем в действительности никогда не был: студента-заочника, иностранного специалиста, инженера-испытателя... В библиотеке Свердловского Индустриального института Кузнецов тщательно изучал литературу о Германии и германской промышленности. Возможно, сперва его думали использовать для промышленного шпионажа в этой стране.

Вообще же создается впечатление, что с начала 30-х годов

Николая Ивановича Кузнецова готовили по индивидуальной программе будущего разведчика-нелегала со специальным заданием, соблюдая строжайшую конспирацию. Потому и в школу определять не стали. Райхман, возможно, не был полностью в курсе этой операции или даже несколько десятилетий спустя не захотел раскрывать методы чекистской работы. Во всяком случае, то, что сообщает Леонид Федорович о дальнейшей судьбе Кузнецова, хорошо укладывается в рамки подобного предположения: «В конце концов мы оформили Кузнецова как особо засекреченного спецагента с окладом по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. Случай почти уникальный в нашей практике, я, во всяком случае, такого второго не припоминаю...

Кузнецов был чрезвычайно инициативным человеком и с богатым воображением. Так, он купил себе фотоаппарат, принадлежности к нему, освоил фотодело и впоследствии прекрасно сам переснимал попадавшие в его руки немецкие материалы и документы. Он научился управлять автомобилем, и, когда во время войны ему в числе иных личных документов изготовили шоферские права, выданные якобы в Кенигсберге, ему оставалось только запомнить, чем немецкие правила уличного движения отличаются от наших.

„Колонист“ был талантлив от природы, знания впитывал, как губка влагу, учился жадно, быстро рос как профессионал. В то же время был чрезвычайно серьезен, сдержан, трезв в оценках и своих донесениях. Благодаря этим качествам

мы смогли его впоследствии использовать как контрольного агента для проверки информации, полученной иным путем, подтверждения ее или опровержения.

К началу войны он успешно выполнил несколько моих важных поручений. Остался весьма доволен им и мой товарищ, также крупный работник контрразведки Виктор Николаевич Ильин, отвечающий тогда за работу с творческой интеллигенцией. Благодаря Ильину Кузнецов быстро оброс связями в театральной, в частности балетной, Москве. Это было важно, поскольку многие дипломаты, в том числе немецкие, и установленные разведчики весьма тяготели к актрисам, особенно к балеринам. Одно время даже всерьез обсуждался вопрос о назначении Кузнецова одним из администраторов... Большого театра».

Наши органы госбезопасности были положительно неравнодушны к Большому театру. Уже упоминавшийся охранник Сталина майор А. Рыбин после войны служил комендантом Большого театра явно не потому, что был завзятым театралом. Здесь всегда было полно иностранцев, и многие балерины не зря получали вторую зарплату на Лубянке...

О работе Кузнецова в предвоенные годы в Москве написал и уже знакомый нам Судоплатов, в феврале 39-го назначенный заместителем начальника разведки НКВД, а в 1940 году организовавший убийство Троцкого: «Кузнецова привлекло к работе местное НКВД и в 1939 году направило в Москву на учебу. Он готовился индивидуально,

как специальный агент для возможного использования против немецкого посольства в Москве. Красивый блондин, он мог сойти за немца, т. е. советского гражданина немецкого происхождения. У него была сеть осведомителей среди московских артистов. В качестве актера он был представлен некоторым иностранным дипломатам. Постепенно немецкие посольские работники стали обращать внимание на интересного молодого человека типично арийской внешности, с прочно установившейся репутацией знатока балета. Им руководили Райхман, заместитель начальника Управления контрразведки, и Ильин, комиссар госбезопасности по работе интеллигенцией (умри, Павел Анатольевич, лучше не скажешь! – Б. С.). Кузнецов, выполняя их задания, всегда получал максимум информации не только от дипломатических работников, но и от друзей, которых заводил в среде артистов и писателей. Личное дело агента Кузнецова содержит сведения о нем как о любовнике большинства московских балетных звезд, некоторых из них в интересах дела он делил с немецкими дипломатами.

Кузнецов участвовал в операциях по перехвату немецкой диппочты, поскольку время от времени дипкурьеры останавливались в гостиницах „Метрополь“ и „Националь“, а не в немецком посольстве. Пользуясь своими дипломатическими связями, Кузнецов имел возможность предупреждать нас о том, когда собираются приехать дипкурьеры и когда можно будет нашим агентам, размещенным в этих отелях и

снабженным необходимым фотооборудованием, быстро переснять документы».

Сам я личное дело Кузнецова не читал. На мой запрос ФСБ отказалось выдать какие-либо материалы о разведчике, указав при этом, что все то, что смогли рассекретить, передали Теодору Гладкову для его книги о Кузнецове «С места покушения скрылся...». В этой книге про связи Николая Ивановича с балеринами ничего не говорится. Но здесь я склонен доверять Судоплатову, только с одной оговоркой. Если верна моя гипотеза об импотенции Кузнецова, то любовником у балерин он мог быть чисто платоническим. Это как раз и помогало ему выступать в роли сводника, подкладывая балерин нужным людям из московского дипломатического корпуса. Очаровывать-то женщин Кузнецов умел! Вот, например, один из начальников Кузнецова, генерал-лейтенант госбезопасности Василий Степанович Рясной вспоминал, как «Колонист» затеял легкий флирт с горничной германского военно-морского атташе в Москве Норберта Вильгельма фон Баумбаха. Пока Николай Иванович водил ее в кино, чекисты провели в квартире Баумбаха негласный обыск и сфотографировали нужные документы. Сводить девушку в театр, кино или ресторан, развлечь остроумными разговорами Кузнецов умел очень хорошо. Но если бы он действительно делил постель своей любовницы с кем-то из дипломатов, это создавало бы сложные психологические проблемы в любовно-разведывательном треугольнике.

Хотя я могу ошибаться, и отнюдь не исключено, что на самом деле Николай Иванович был вполне полноценным любовником. Вот Gladkov, например, упоминает некую Оксану Оболенскую, с которой будто бы Кузнецов встречался накануне войны. О ней рассказала журналисту вдова Д. Н. Медведева Татьяна Ильинична. Ксане Кузнецов представлялся советским немцем Рудольфом Вильгельмовичем Шмидтом, авиационным инженером (или летчиком – тут не вполне понятно). После начала войны Оболенская предпочла расстаться с человеком с немецкой фамилией (люди с такими фамилиями сразу стали исчезать из Москвы). Николай Иванович будто бы расстроился, особенно когда до него дошли слухи, что Ксана вышла замуж за красного командира с исконно русской фамилией (бедняга «Шмидт» не мог ей признаться, что на самом-то деле он Кузнецов). Когда в январе 44-го Кузнецов последний раз встретился с Медведевым перед поездкой во Львов, из которой ему не суждено было вернуться, то попросил Дмитрия Николаевича в случае чего навестить в Москве Ксану и рассказать, кем на самом деле был Рудольф Шмидт. В ноябре 44-го, вскоре после награждения Кузнецова Золотой Звездой Героя, Дмитрий Николаевич отправился по указанному адресу на Петровку. Встретился ли он с Ксаной, неизвестно. Татьяна Ильинична вспоминала только, что вернулся муж злой и раздраженный. Сегодня трудно сказать, была ли эта история в действительности. Никаких документов, подтверждающих существование

Ксаны, обнаружить пока не удалось.

Кстати, возможно у руководства НКВД и НКГБ были планы использовать Кузнецова и против Англии и Америки. Если бы так случилось, он, возможно, затмил бы славой Рудольфа Абеля и Конона Молодого. Сохранился рапорт Николая Ивановича с просьбой помочь в поступлении на английское отделение Института иностранных языков, но надвигавшаяся война с Германией, очевидно, заставила отказаться от этих планов.

С началом войны Николай Иванович Кузнецов стал готовиться к заброске в тыл врага. Рудольфу Вильгельмовичу Шмидту выдали «белый билет», бессрочное освобождение от военной службы, чтобы не загребли в военкомат и на фронт. Получил Кузнецов и новый псевдоним, в августе 42-го из «Колониста» превратившись в «Пуха». Хотя и старым тоже продолжал пользоваться. Когда в октябре 41-го положение под Москвой стало угрожающим, предполагалось, что Кузнецов может остаться в подполье, если немцы захватят город. Этого, к счастью, не случилось. Во время советского контрнаступления под Москвой, как утверждает Л. Ф. Райхман, Николай Иванович прошел боевое крещение. С разведывательным заданием его забросили в тыл 9-й немецкой армии, противостоявшей Калининскому фронту под древним русским городом Ржевом. Вскоре Кузнецов благополучно вернулся назад. Однако в своем последнем рапорте от 3 июня 1942 года «Колонист» райхмановскую вер-

сию не подтверждает. В этом рапорте перечислено практически все, чем занимался Кузнецов с начала войны и до отправки на Украину:

«...В первые же дни после нападения германских армий на нашу страну мною был подан рапорт на имя моего непосредственного начальника с просьбой об использовании меня в активной борьбе против германского фашизма на фронте или в тылу вторгшихся на нашу землю германских войск.

На этот рапорт мне тогда ответили, что имеется перспектива переброски меня в тыл к немцам за линию фронта для разведывательно-диверсионной деятельности, и мне велено ждать приказа. Позднее, в сентябре 1941 года, мне было заявлено, что ввиду некоторой известности моей личности среди дипкорпуса держав оси в Москве до войны... во избежание бесцельных жертв, посылка меня к немцам пока не является целесообразной. Меня решили тогда временно направить под видом германского солдата в лагерь германских военнопленных для несения службы разведки. Мне была дана подготовка под руководством соответствующего лица из военной разведки. Эта подготовка дала мне элементарные знания и сведения о германской армии... 16 октября 1941 года этот план был отменен и мне было сообщено об оставлении меня в Москве на случай оккупации столицы германской армией... В начале 1942 года мне сообщили, что перспектива переброски меня к немцам стала снова актуальной. Для этой цели мне дали элементарную подготовку биогра-

фического характера (вот когда родился Пауль Зиберт. – Б. С.). Однако осуществления этого плана до сих пор по неизвестным мне причинам не произошло. Таким образом, прошел год без нескольких дней с того времени, как я нахожусь на полном содержании советской разведки и не приношу никакой пользы, находясь в состоянии вынужденной консервации и полного бездействия, ожидая приказа (годовое безделье кого угодно с ума сведет, а Николай Иванович по натуре был человек активный. – Б. С.). Завязывание же самостоятельных связей типа довоенного времени исключено, так как один тот факт, что лицо „германского происхождения“ оставлено в Москве во время войны, уже сам по себе является подозрительным. Естественно, что я, как всякий советский человек, горю желанием принести пользу моей Родине в момент, когда решается вопрос о существовании нашего государства и нас самих. Бесконечное ожидание (почти год!) и вынужденное бездействие при сознании того, что я, безусловно, имею в себе силы и способности принести существенную пользу моей Родине в минуту, когда решается вопрос быть или не быть, страшно угнетает меня. Всю мою сознательную жизнь я нахожусь на службе в советской разведке. Она меня воспитала и научила ненавидеть фашизм и всех врагов моей Родины. Так не для того же меня воспитывали, чтоб в момент, когда пришел час испытания, заставлять меня прозябать в бездействии и есть даром советский хлеб? В конце концов, как русский человек я имею право требовать

дать мне возможность принести пользу моему Отечеству в борьбе против злейшего врага, вторгшегося в пределы моей Родины и угрожающего всему нашему существованию! Разве легко мне в бездействии читать в течение года сообщения наших газет о тех чудовищных злодеяниях германских оккупантов на нашей земле, этих диких зверей?

Тем более что я знаю в совершенстве язык этих зверей, их повадку, характер, привычки, образ жизни. Я специализировался на этого зверя. В моих руках сильное и страшное для врага оружие, гораздо серьезнее огнестрельного. Так почему же до сих пор я сижу у моря и жду погоды?

Дальнейшее пребывание в бездействии я считаю преступным перед моей совестью и Родиной. Поэтому прошу вас довести до сведения верховного руководства этот рапорт. В заключение заявляю следующее: если почему-либо невозможно осуществить выработанный план заброски меня к немцам, то я с радостью выполнил бы следующие функции:

1. Участие в военных диверсиях и разведке в составе парашютных соединений РККА на вражеской территории.
2. Групповая диверсионная деятельность в форме германских войск в тылу у немцев.
3. Партизанская деятельность в составе одного из партизанских отрядов.
4. Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятна возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду на дело, так как сознание правоты наше-

го дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание дает мне силу выполнить мой долг перед Родиной до конца».

Показательно, что Кузнецов допускал сочетание разведывательной и диверсионной деятельности одним человеком. Такого же мнения придерживались и руководители советской разведки. Между тем, такое сочетание может принести только вред, по крайней мере с точки зрения получения разведывательной информации. Диверсант, конечно, может попутно, перед подготовкой диверсии и после ее свершения, собирать какие-то сведения о противнике. Взять документы с убитых солдат, захватить языка – все это никак не повредит его основной миссии – уничтожению того или иного неприятельского объекта. Но серьезной информации таким способом получить практически невозможно. Наоборот, если разведчик, имеющий доступ к разведывательным сведениям стратегического характера, отвлекается на проведение террористических и диверсионных актов, это может принести очень большой вред. Ведь он не только надолго перестает заниматься своей основной деятельностью, но и совершенно неоправданно с точки зрения своей главной миссии рискует погибнуть или попасть в руки неприятельской контрразведки.

По словам Райхмана, только в 42-м году из контрразведывательного управления Кузнецова передали в разведывательное, в распоряжение Судоплатова, но оставив формаль-

но в «негласном штате» контрразведки. Подозреваю, что все это делалось лишь в целях конспирации, тогда как в действительности Николая Ивановича с самого начала готовили для разведывательной деятельности в Германии. Но война внесла свои коррективы. Теперь под германской оккупацией на какое-то время оказалась родная для Судоплатова Украина. И именно туда был направлен будущий обер-лейтенант Пауль Зиберт.

В составе партизанского отряда «Мстители» под командованием Д. Н. Медведева Кузнецову предстояло высадиться в лесах под Ровно. Этот небольшой западноукраинский город стал столицей рейхскомиссариата «Украина». Бойцы отряда Медведева знали агента по кличке «Пух» как Николая Васильевича Грачева. В Ровно же он должен был появиться как обер-лейтенант вермахта Пауль Зиберт.

Перед высадкой во вражеском тылу, последовавшей в ночь на 25 августа 1942 года, Кузнецов досконально изучил германские вооруженные силы, чтобы не попасть впросак при встречах с патрулями и беседами с офицерами ровенского гарнизона. Для этого он даже провел несколько недель в офицерском бараке лагеря немецких пленных в Красногорске, причем никто не заподозрил, что этот симпатичный пехотный обер-лейтенант в действительности русский. И Пауль Зиберт так же хорошо, как язык, освоил стрельбу из немецкого оружия. Ведь главной его задачей должно было стать осуществление террористических актов про-

тив высших чиновников германской оккупационной администрации на Украине. Использовать столь квалифицированного агента для подобных целей было равносильно тому, чтобы топить печку ассигнациями. Но летом 42-го положение Красной армии было чрезвычайно тяжелым, и руководители НКВД, нарком Л. П. Берия и его первый заместитель В. Н. Меркулов, бывший глава НКГБ, вынуждены были бросать все силы на решение сиюминутных задач. Сам Меркулов подписал приказ о направлении Кузнецова в отряд Медведева. Не исключено, что чекисты надеялись террором против высокопоставленных служащих рейхскомиссариата дезорганизовать оккупационную администрацию и спровоцировать антинемецкое восстание на Западной Украине. Однако местное население, не симпатизируя уже в ту пору немцам, к русским большевикам относилась весьма настороженно и не собиралась идти в бой за Сталина. Популярностью пользовалась Украинская Повстанческая Армия, провозгласившая борьбу как против немцев, так и против большевиков. УПА также рассматривалась как один из будущих противников отряда Медведева, наряду с немецкими войсками и подчиненной им украинской вспомогательной полицией.

При приземлении Кузнецову не повезло – потерял в болоте сапог. Но к месту сбора группы из 11 человек добрался благополучно, доложил Медведеву, как положено, руки по швам, только одна нога босая. Но это не страшно. Сапоги для него нашлись. А потом Николаю Ивановичу пред-

стояло облачиться в другую форму – немецкого обер-лейтенанта. Но его первый визит в столицу рейхскомиссариата задержался почти на два месяца. Надо было не только разведать предварительно обстановку в городе и установить связи с агентурой. Выяснилось, что Николай Иванович обладает одной неприятной для разведчика-нелегала особенностью – разговаривает во сне, причем, естественно, на родном языке – по-русски. Многие годы Кузнецов жил один и не знал этого. Только в отряде соседи по палатке обратили внимание, что боец Грачев (про Зиберта знали только Медведев, его заместитель по разведке Александр Александрович Лукин и группа прикрытия) вскрикивает во сне. Кстати, этот факт – косвенное доказательство того, что Кузнецову не приходилось спать с женщинами. Иначе какая-нибудь из подруг указала бы ему на эту не очень симпатичную для дам привычку.

От бессознательных ночных разговоров пришлось срочно отучаться. Кузнецов приказал товарищам, чтобы его будили, как только слышат речь во сне. Иногда разведчик вынужден был просыпаться по несколько раз за ночь. В конце концов, Николай Иванович решил, что если придется ночевать в Ровно, то ложиться спать так, чтобы в комнате он был один.

Тут я немного забегу вперед. Возможно, чувствуя, что своих детей у него не будет, Кузнецов думал о приемном сыне. Во время одной из поездок в Ровно он нашел четырехлетнего мальчика Пиню, чудом вырвавшегося из гетто, и привез его в отряд. Партизаны отогрели и накормили малыша,

а потом отправили самолетом на Большую землю. Кузнецов мечтал после войны усыновить Пиню. Не успел.

Для первой поездки в Ровно, состоявшейся только 19 октября 42-го, офицерский френч, за неимением утюга, пришлось отгладить нагретым на костре топором. Легенда у обер-лейтенанта Пауля Зиберта была железная. Раненный во Франции, а до этого в Польше награжденный Железным крестом, он с началом войны против СССР числился чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования в прифронтовых областях, снабжающим фронт лесом. Интендантская должность открывала разведчику двери многих немецких учреждений в Ровно. Но, поскольку офицеры-фронтовики недолюбливали тыловых офицеров, Зиберт-Кузнецов модернизировал легенду и стал рассказывать, что ранен был в битве под Москвой. Но это потом. О первом же дне пребывания в Ровно Николай Иванович составил специальное донесение:

«19 октября 1942 года в 7.00 подошел с севера к главному асфальтовому шоссе Корец – Ровно у населенного пункта Бела Криница в 9 км от города. Движение по шоссе... с 6.00 до 22.00 по германскому времени (с 7.00 до 23.00 по московскому) очень оживленное. Каждые 15 минут автомашины легковые с 3–4 офицерами и чиновниками, грузовик с солдатами или с грузом, мотоциклы с колясками, а в них офицеры. Много велосипедов. Велосипеды не имеют никаких номеров. Все офицеры и солдаты одеты по-осеннему, в

хороших шинелях и плащах... Офицеры в фуражках и очень редко в пилотках...

В 7 км от города мне навстречу попала процессия. Впереди 2 полубронированных авто с 4 офицерами в каждом. Затем большая машина „мерседес“ черного цвета с опущенными занавесками, а за ней грузовик с 20 солдатами, а за ним мотоцикл с коляской и с офицером. Несомненно, проезжало важное лицо. Машины идут на большой скорости...

Регулярного контроля на шоссе нет. Много полицейских в форме, без оружия. По канавам валяются полусгоревшие танки и бронев автомобили (несомненно, еще советские, оставшиеся с лета 41-го. – *Б. С.*). Изредка встречаются транспорты советских военнопленных. У них ужасный вид измученных до предела людей. Их охрана – немцы и полицейские с повязкой на рукаве и свастикой на пилотке. Свастика из белой жести величиной в 1 кв. см, а на повязке немецкая надпись „На службе германских вооруженных сил“. Охрана вооружена винтовками.

Перед въездом в город по Корецкому шоссе расположены с левой стороны автозаправочные станции и организация „Тодт“, также лагерь советских военнопленных. Шоссе вливается в город под названием „Немецкая улица“. Она очень оживленна. У въезда в город громадное объявление: „Внимание военных! При приезде в город тотчас же зарегистрироваться в местной комендатуре. Отметка о прибытии и выбытии обязательна. Без нее занятие квартиры и ночевка за-

прещены“.

На Немецкой улице две стоянки автомашин по 100 штук на каждой. Стоят день и ночь. На этой улице расположены основные немецкие военные учреждения. Ровно – это город тыловых военных учреждений. Много штабных офицеров, чиновников, гестапо, охранной полиции.

Я был в городе с 8.00 до 19.00 по немецкому времени. Меня приветствовали около 300 солдат и офицеров. Наивысший чин, попавший мне навстречу, – полковник (генералы-то пешком по городу не ходят. – Б. С.). Видел представителей финской, словацкой, румынской и итальянской армий (мало). Основной контингент – немцы средних и старших возрастов. Есть среди них инвалиды, кривые и т. д., но много и совсем молодых.

Проходят курсанты летной и полицейской школ. Все приветствуют образцово, по уставу. Солдаты в городе ходят со штыком на поясе, офицеры и унтер-офицеры с пистолетами „вальтер“. Много элегантно одетых немцев. Офицеры расквартированы по частным квартирам и частично в квартирах по шоссе на Дубно около аэродрома. По улице Словацкой, 4 расположен штаб связи. Во время моего наблюдения за этим штабом туда вошли полковник и капитан военно-воздушных сил. По улице Кенигсбергской в 50 метрах от улицы Немецкой помещается жандармерия, напротив гестапо (в действительности – СД, отдел безопасности Главного Имперского Управления Безопасности, выполнявший

контрразведывательные функции и заменявший гестапо на оккупированных территориях СССР; в советских документах его ошибочно именовали гестапо. – *Б. С.*), рядом гебиткомиссариат и далее рейхскомиссариат. Это здание усиленно охраняется. По улице Немецкой, 26 находится политическая полиция.

Прием у рейхскомиссара по вторникам и четвергам. Кох живет якобы на верхнем этаже. Его частная квартира – на Монополевой улице, 23.

Город наводнен шпиками, агентами гестапо. На улицах у киосков трутся штатские с велосипедами... Офицеры СС отчаянно спекулируют казенным имуществом, папиросами, табаком и т. д. Я беседовал в кафе с двумя такими офицерами. Они заняты тем, чтобы нажиться и не попасть на фронт...».

Это донесение практически не содержит оперативной информации, которой могло бы воспользоваться командование Красной армии. Зато для историка оно ценно и сегодня, поскольку фиксирует то, что называется бытом войны. Кузнецов неслучайно фиксировал все эти мелочи: во что одеты солдаты и офицеры, как происходит проверка документов, где расположены основные учреждения. И особенно: как охраняется резиденция рейхскомиссара Эриха Коха, где он живет и когда осуществляет прием просителей (ведь лже-Зиберту предстояла «охота на Коха»). Все это нужно было для будущих разведчиков, которым предстояло работать в Ровно

и других городах во вражеском тылу. Даже какой значок на пилотке у полицейских подробно описал: умельцам из отряда Медведева и в Москве предстояло сделать такие пилотки для партизан. И самому Николаю Ивановичу пришлось кое-что изменить в своей экипировке. Хотя забрасывали его под Ровно в самый канун осени, но почему-то снабдили только летним обмундированием. Пришлось срочно досылать осеннюю и зимнюю форму. А вскоре в отряде появился варшавский портной Ефим Драхман, которому посчастливилось бежать из гетто. Когда-то он классно шил театральные костюмы. Теперь закройщику приходилось поставлять реквизит для пьесы, где ставкой была жизнь. И Ефим не подвел. Пошитые для Зиберта френчи, бриджи и шинель не только сидели как влитые, но и ни одной деталью не отличались от тех, что носили настоящие офицеры вермахта.

Выяснилось, что в пилотке, в которой Зиберт впервые появился в Ровно, там ходят только командированные с фронта. Тыловые офицеры предпочитали фуражки. Пришлось срочно обзавестись фуражкой и научиться ее правильно надевать и снимать – немцы делали это иначе, чем советские командиры, и на такой мелочи легко можно было сгореть. И «парабеллум», с которым сначала щеголял Зиберт, оказался атрибутом фронтового офицера, тогда как тыловики предпочитали более компактный «вальтер». Пришлось и нашему разведчику срочно перевооружиться.

Документы Кузнецова были надежны. Их сделали масте-

ра своего дела на подлинных немецких бланках. Более 70 раз Зиберта проверяли патрули и ни разу ничего не заподозрили. Кроме, быть может, последней проверки, когда уже были разосланы ориентировки на мнимого обер-лейтенанта. В Ровно Кузнецов посещал рестораны и казино, знакомился с офицерами, получал от них определенную информацию, главным образом о переброске тех или иных дивизий на различные участки фронта. Однако время жизни такой информации было невелико – всего несколько дней. Эти дни как раз уходили на то, чтобы добраться до отряда Медведева и передать оттуда радиogramму в Москву. К моменту, когда радиogramма доходила до советского командования, прибытие неприятельских соединений фиксировалось уже фронтовой разведкой. Правда, в ноябре 42-го, в разгар Сталинградской битвы, Дмитрий Николаевич рискнул направить в Ровно радистку, но через шестнадцать дней ее пришлось отозвать в отряд. В городе, где были радиопеленгаторы и полно полиции, работать стало слишком опасно. Вот и получилось, что, имея задатки превосходного разведчика, Кузнецов в этой области мог приносить только очень ограниченную пользу.

Главное же, чем занимался Кузнецов-Зиберт в Ровно, был террор. Ему удалось уничтожить несколько высокопоставленных чиновников рейхскомиссариата. Высокопоставленных, замечу, только в масштабах оккупированной немцами Украины. В истории же Второй мировой войны их имена

сохранились только благодаря кузнецовским покушениям. Главной же мишенью для обер-лейтенанта Пауля Зиберта был сам рейхскомиссар и по совместительству гаулейтер Восточной Пруссии (по нашему – первый секретарь Восточно-пруссского обкома партии) Эрих Кох. Кузнецову даже удалось попасть на прием к нему. Предлог был подходящий. Проживавшая в Ровно разведчица Валентина Довгер была мобилизована для отправки на принудительные работы в Германию. Она обратилась с заявлением Коху, где указывала, что является «фольксдойче» (этнической немкой) и невестой обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта. Валя просила разрешить ей остаться в Ровно и работать здесь в немецких учреждениях. В результате Валя и Зиберт были приглашены на прием к рейхскомиссару: обер-лейтенант собирался хлопотать за свою «невесту». В описании Д. Н. Медведева события в этот день, 31 мая 1943 года, развивались следующим образом:

«Адъютант Бабах, щеголеватый офицер в форме гауптмана, сразу узнал в вошедших протезе своего земляка Шмидта (дрессировщика собак Коха. – *Б. С.*), которым он, Бабах, сам заранее заготовил пропуска. Он проводил их на второй этаж, в приемную. Здесь сидело уже несколько офицеров. В кресле у окна, ожидая вызова, скучал тучный генерал.

– Я доложу о вашем приходе, – сказал Бабах и скрылся за дверью. Маленький юркий армейский офицерик конфиденциально спросил у Кузнецова, кивнув на Валю:

– Ваша?

– Да, – сказал Зиберт, посмотрев сверху вниз на армейца, давая этим понять, что его – Зиберта – нисколько не интересует мнение других.

– Говорят, гаулейтер сегодня в хорошем расположении духа, – как бы извиняясь за свой неуместный вопрос, сказал офицер. – Мы ждем его уже больше часа.

Приоткрылась тяжелая дверь. В приемной появился адъютант.

– Вас готовы принять, – произнес он, глядя на Валю.

Остановил поднявшегося с места Кузнецова:

– Только фрейлейн.

Кузнецов смешался. Он не ожидал, что вызовут не его, а Валю. Овладев собой, он сел в кресло и обратился к офицеру с первой же пришедшей на ум, ничего не значащей фразой.

...Валя сделала лишь шаг вперед, как к ней в два прыжка подскочила огромная овчарка. Валя вздрогнула.

Раздался громкий окрик: „На место!“ – и собака отошла прочь.

Только теперь Валя увидела, что в глубине, под портретом Гитлера, за массивным столом, развалившись в кресле, восседал упитанный холеный немец с усиками под Гитлера, с длинными рыжими ресницами. Поодаль от него стояло трое гестаповцев в черной униформе.

Кох молча показал ей на стул в середине комнаты. Едва

Валя подошла к стулу, один из гестаповцев встал между ней и Кохом, другой занял место за спинкой стула. Третий находился у стены, позади Коха, немного правее гаулейтера...

– Почему вы не хотите ехать в Германию? – услышала Валя голос Коха. Он сидел, уставясь в листок бумаги, в котором она узнала свое заявление. Валя немного смутилась и замедлила с ответом.

– Почему вы не хотите ехать в Германию? – повторил Кох, поднимая на девушку глаза. – Вы, девушка немецкой крови, были бы полезны в фатерланде.

– Моя мама серьезно больна, – тихо произнесла Валя, стараясь говорить как можно убедительнее. – Мама больна, а кроме нее у меня сестры... После гибели отца я зарабатываю и содержу всю семью. Прошу вас, господин гаулейтер, разрешить мне остаться здесь. Я знаю немецкий, русский, украинский и польский, я могу здесь принести пользу Германии.

– Где вы познакомились с офицером Зибертом? – спросил Кох, смотря на нее в упор.

– Познакомилась случайно, в поезде... Потом он заезжал к нам по дороге с фронта...

– А есть у вас документы, что ваши предки – выходцы из Германии?

– Документы были у отца. Они пропали, когда он был убит.

Кох стал любезнее. Разговаривая то на немецком, то на польском языке, которым он владел в совершенстве, он рас-

спрашивал девушку о настроениях в городе, интересовался, с кем еще из немецких офицеров она знакома. Когда в числе знакомых она назвала не только сотрудников рейхскомиссариата, но и гестаповцев, в том числе фон Ортеля (о нем речь впереди. – Б. С.), Кох был удовлетворен.

– Хорошо, ступайте. Пусть зайдет ко мне лейтенант Зиберт...

– Хайль Гитлер! – переступив порог кабинета и выбрасывая руку вперед, возгласил Кузнецов.

– Хайль! – лениво раздалось за столом. – Можете сесть. Я не одобряю вашего выбора, лейтенант! Если все наши офицеры будут брать под защиту девушек из побежденных народов, кто же тогда будет работать в нашей промышленности?

– Фрейлейн – арийской крови, – почтительно возразил Кузнецов.

– Вы уверены?

– Я знал ее отца. Бедняга пал жертвой бандитов.

Пристальный, ощупывающий взгляд гаулейтера упал на железные кресты офицера, на круглый значок со свастикой (фантастическая деталь: Кузнецов-Зиберт не был членом НСДАП, поскольку членство в национал-социалистической партии офицеров вермахта было большой редкостью; партийный значок сразу привлек бы к разведчику совсем ненужное ему внимание окружающих. – Б. С.).

– Вы член национал-социалистической партии?

– Так точно, герр гаулейтер.

– Где получили кресты?

– Первый во Франции, второй на Острфронте.

– Что делаете сейчас?

– После ранения временно работаю по снабжению своего участка фронта.

– Где ваша часть?

– Под Курском.

– Под Курском?..

Ощупывающий взгляд Коха встретился со взглядом Кузнецова.

– И вы – лейтенант, фронтовик, национал-социалист – собираетесь жениться на девушке сомнительного происхождения?!

– Мы помолвлены, – изображая смущение, признался Кузнецов. – И я должен получить отпуск и собираюсь с невестой к моим родителям, просить их благословения.

– Где вы родились?

– В Кенигсберге. У отца родовое поместье... Я единственный сын.

– После войны намерены вернуться к себе?

– Нет, я намерен остаться в России.

– Вам нравится эта страна? – в словах Коха послышалось что-то похожее на иронию.

– Мой долг – делать все, чтобы она нравилась нам всем, герр гаулейтер! – твердо и четко, выражая крайнее убеждение в справедливости того, о чем он говорит, сказал Кузнецов.

цов.

– Достойный ответ! – одобрительно заметил гаулейтер и подвинул к себе лежавшее перед ним заявление Вали.

В это мгновение Кузнецов впервые с такой остротой физически ощутил лежащий в правом кармане брюк взведенный „вальтер“. Рука медленно соскользнула вниз. Он поднял глаза и увидел оскаленную пасть овчарки, увидел настороженных гестаповцев. Казалось, все взгляды скрестились на этой руке, поползшей к карману и здесь застывшей.

Нет, стрелять – никакой возможности. Не дадут даже опустить руку в карман, не то что выдернуть ее с пистолетом. При малейшем движении гестаповцы готовы броситься вперед, а тот, что стоит за спинкой стула, наклоняется всем корпусом так, что где-то у самого уха слышно его дыхание, – наклоняется, готовый в любое мгновение перехватить руку...

Между тем гаулейтер, откинувшись в кресле и слушая собственный голос, продолжает:

– Человеку, который, подобно вам, собирается посвятить жизнь освоению восточных земель, полезно кое-что запомнить. Как вы думаете, лейтенант, кто для нас здесь опаснее: украинцы или поляки?

У лейтенанта есть на этот счет свое мнение.

– И те и другие, герр гаулейтер! – отвечает он.

– Мне, лейтенант, нужно совсем немного, – продолжает Кох. – Мне нужно, чтобы поляк при встрече с украинцем убивал украинца и, наоборот, чтобы украинец убивал поля-

ка. Если до этого по дороге они пристрелят еврея, это будет как раз то, что мне нужно. Вы меня понимаете?

– Тонкая мысль, герр гаулейтер!

– Ничего тонкого. Все весьма просто. Некоторые весьма наивно представляют себе германизацию. Они думают, что нам нужны русские, украинцы и поляки, которых мы заставили бы говорить по-немецки. Но нам не нужны ни русские, ни украинцы, ни поляки. Нам нужны плодородные земли... Мы будем германизировать землю, а не людей. Здесь будут жить немцы!

Кох переводит дух, внимательно смотрит на лейтенанта:

– Однако я вижу, вы не сильны в политике.

– Я солдат и в политике не разбираюсь, – скромно ответил Кузнецов (ответ для члена НСДАП, согласимся, несколько странный. – *Б. С.*).

– В таком случае бросьте путаться с девушками и возвращайтесь поскорее к себе в часть. Имейте в виду, что именно на вашем курском участке фюрер готовит сюрприз большевикам. Разумеется, об этом не следует болтать.

– Можете быть спокойны, герр гаулейтер!

– Как настроены ваши товарищи на фронте?

– О, все полны решимости! – бойко отвечает лейтенант, глядя в глаза гаулейтеру.

– Многих испугали недавние события?

– Сталинград?.. Он укрепил наш дух!

Гаулейтер явно удовлетворен столь оптимистическим от-

ветом. Он еще раз любопытным взглядом окидывает офицера и, наконец, принимается за заявление его подруги. Он пишет резолюцию».

Дмитрий Николаевич основывался, по всей видимости, как на личных беседах с Кузнецовым и Валентиной Довгер, так и на рапорте «Колониста» (он же – «Пух»). А кое-что сознательно присочинил. Например, по легенде, Зиберт был не дворянином, обладателем родового поместья (тогда к фамилии требовалась бы приставка «фон»), а всего лишь лесничим (пригодилась довоенная профессия Кузнецова), а затем управляющим в имении князя Шлобиттена. Главное же, Медведев в своей мемуарно-художественной книге почти целиком придумал диалог Зиберта и Коха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.